

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.20

Правильная ссылка на статью:

Зотов А. А. О ценностях польского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 371—380. Рец. на кн.: *Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości* / pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej. Kraków: Znak, 2015. На пол. яз. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.20.

For citation:

Zotov A. A. About moral values in Polish society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 6. P. 371—380. Book review: *Fundamentals of good society. Values*. Ed. by M. Boguni-Borowskiej. Krakow. Publishing house «Znak». 2015. (In Pol.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.20.

А. А. Зотов

О ЦЕННОСТЯХ ПОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Рецензия на книгу:

Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości

/ pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej. Kraków: Znak, 2015

О ЦЕННОСТЯХ ПОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: FUNDAMENTY
DOBREGO SPOŁECZEŃSTWA. WARTOŚCI
/ POD RED. MAŁGORZATY BOGUNI-BO-
ROWSKIEJ. KRAKÓW: ZNAK, 2015

BOOK REVIEW: FUNDAMENTALS OF
GOOD SOCIETY. VALUES. ED. BY M. BO-
GUNI-BOROWSKIEJ. KRAKOW. PUBLISH-
ING HOUSE «ZNAK». 2015. (IN POL.)

ЗОТОВ Андрей Анатольевич — научный
сотрудник Института социологии Феде-
рального научно-исследовательского
социологического центра Российской
академии наук, Москва, Россия.
E-MAIL: andrzotow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0338-3057

Andrey A. ZOTOV¹ — Fellow
E-MAIL: andrzotow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0338-3057

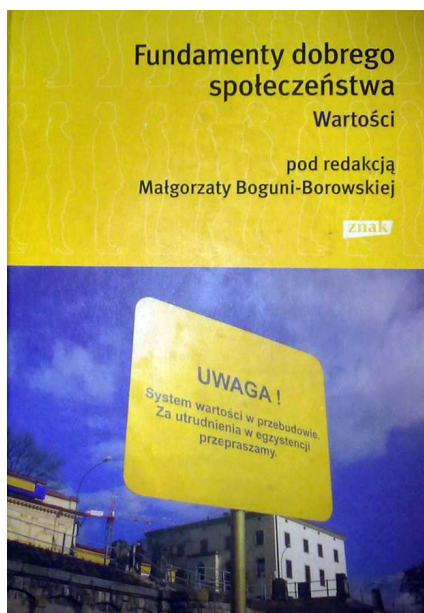
¹ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Социальные преобразования ставят перед людьми проблему выбора: оставаться в рамках старых социальных норм или адаптироваться к новым? Это актуализирует проблематику выбора ценностей, которые обсуждаются в книге, подготовленной под редакцией доцента Ягеллонского университета, [Малгоржаты Богуни-Боровской \(Małgorzata Boguni-Borowska\)](#). Книга заявлена как социологическая, но носит междисциплинарный характер, включая рассмотрение нравственной составляющей в христианстве, отношения между моралью и правом,

моралью и политикой и т. д. Она содержит тексты польских авторов — в основном социологов, но также философов, правоведов, антропологов, историков, описывающих нравственные ценности, раскрывая качества, способствующие созданию гармоничных отношений между людьми. Среди авторов ряд известных имен — Анджей Койдер, Пётр Штомпка, Эдмунд Внук-Липиньски, Александра Ясиньска-Каня, Марек Жулковски. Во вводной статье сообщается о намерении авторов проанализировать ценности «действительно фундаментальные, основополагающие для создания хорошей и дружественной общности» [Fundamenty..., 2015: 23]. Статьи озаглавлены по наименованиям ценностей и расположены в алфавитном порядке. Авторы проявляют высокую эрудицию в области знания истории этической мысли и в раскрытии воззрений мыслителей прошлого на рассматриваемые ценности. Тема связи между моралью, правом и социальной политикой присутствует почти в каждой статье.

Исследователи, занимавшиеся проблемами этики, в прошлом часто стремились выработать и предложить ценностную модель, задающую эталоны должного поведения. В XVIII в. И. Кант объявил о намерении развивать этику как «чистую моральную философию», как науку о должном, «которая была бы полностью очищена от всего эмпирического и принадлежащего к антропологии» [Кант, 1965: 223]. Кант сопоставил в предисловии к «Критике чистого разума» величие и неизбежность звездного неба над головой с неизбежностью морального закона внутри нас. Он постулировал априорное существование общей идеи долга и нравственных законов и отверг возможность основывать принцип нравственности на эмпирическом знании, подчеркнув, что «все эмпирическое не только совершенно непригодно как приправа к принципу нравственности, но в высшей степени вредно для чистоты самих нравов...» [Кант, 1965: 266]. Аксиология И. Канта, его последователей и популяризаторов оказала сильное влияние на всю этическую и философско-правовую мысль XIX в. Только в последнее его десятилетие Г. Зиммель и Э. Дюркгейм одними из первых выступили с критикой традиционной теоретической этики как нормативной науки и стали искать новые подходы к решению проблем морали на основе фактического знания. Подход Э. Дюркгейма к моральным нормам коротко очерчен в рецензируемой книге в главе профессора Кшиштофа Фристацкого, посвященной рассмотрению солидарности [Fundamenty..., 2015: 214].

Одна из задач, поставленных в книге — выяснение вопроса, насколько приверженность идеальным ценностям позволяет поддерживать в обществе требуемый для сохранения комфортных условий социальной жизни уровень морали. Российские исследователи так не ставят вопрос. В стране, вышедшей



из советского прошлого, долго не удавалось решить первоочередные вопросы поддержания порядка и обеспечения экономической стабильности. Пока порядок не установился, считалось преждевременным и излишним вновь, как в советские времена, рассуждать об идеалах. Время от времени появлялись публикации о жизненных ценностях по итогам социологических опросов по ценностным ориентациям населения, иногда дополняемые приведением фактов падения общественных нравов. Да и интерес к теме морали со стороны российской общественности особо не проявлялся за эти годы. «Мало кто из отечественных социологов признает за социологией морали статус автономной социологической дисциплины,» — отмечает Т. Ю. Кирилина, автор статей не так давно изданного и до сих пор единственного отечественного учебника по социологии морали [Кириллина, 2009: 133; Кириллина, 2017]. Только в последние годы в единичных вузах РФ социология морали стала читаться студентам-бакалаврам как необязательный социологический курс по выбору. В университетах Польши (не во всех) студентам-социологам читают курсы по социологии морали и нравственности (*socjologia moralności i obyczajów*).

В отличие от российских исследователей морали, с трудом пробивающихся через постсоветские реалии социального неблагополучия, чтобы увидеть перспективу в ценностной сфере, авторы рецензируемой книги преодолели барьер неустроенной повседневности, но, похоже, впали в другую крайность. Они следуют упомянутой выше кантианской традиции поиска нравственного идеала и рассуждают чаще о том, каким должно быть нравственно благополучное общество, чем о том, что собой представляет земное общество, которое надо соотносить с нравственным идеалом, чтобы обустроить и улучшать. Так они воспаряют в высоты господства идеальных ценностей, а когда смотрят с небес на землю, отмечают, что там многое неблагополучно, и вновь возвращаются к своим идеалам. В публикуемой в этом номере журнала главе книги (верстальщику: здесь ссылка на главу книги, которая будет размещена в этом номере), посвященной СПРАВЕДЛИВОСТИ, Петр Штомпка пишет: «Мы живем в стране, в которой начинающий депутат оскорбляет премьер-министра с сеймовой трибуны, глава оппозиционной партии отказывается подавать руку президенту страны, ... а ведущие политики в ходе бесед на официальном обеде вплетают в разговор непристойные слова...» [Fundamenty..., 2015: 251]. Но и он возвращается к идеалам доверия и уважения и стремится объяснять изъяны демократии характерными для Польши недостатками политической культуры и культуры доверия. П. Штомпка показывает, что попытка проведения в жизнь идеала справедливости в конкретных случаях и ситуациях порождает массу трудноразрешимых проблем и противоречий, в том числе в силу внутренней противоречивости этого понятия, означающего «равенство на основе неравенства»: поскольку любой из принципов справедливости прилагается «к людям, уже неравным в тех или иных отношениях». При попытке справедливо распределить вознаграждения или установить справедливые налоги в обществе каждый раз вводятся исключения и льготы в отношении определенных социальных групп и категорий. Как поясняет П. Штомпка, применение любой конкретной методики обеспечения справедливости вызывает новые неравенства [Fundamenty..., 2015: 232—247].

Тем не менее, авторы глав этой книги ищут эталоны, по которым можно было бы оценивать общества в плане их нравственного благополучия. Общий лейтмотив книги задан вводной статьей редактора-составителя Малгоржаты Богуни-Боровской. Ею ставятся вопросы: 1. Что представляет собой хорошее общество? 2. Как оно возможно и как к нему прийти? 3. Что именно делает общество хорошим? В поисках ответов она прибегает к классическому арсеналу типологии Фердинанда Тенниса с его идеей, что нет общества (*societas*) без общности (*communitas*), что они дополняют друг друга и при этом не сводимы друг к другу. При выборе критериев «хорошего общества» не обойтись, как она пишет, без выхода из сферы реально существующего в сферу должного. Автор выделяет две группы общностей, а именно: общности «большого дела» и общности «большой повседневности» [Fundamenty..., 2015: 17—19]. В первой, по ее мнению, люди объединяются вокруг небанальной «великой идеи». Принадлежащие к такой общности индивиды верят в великую идею и пытаются проводить ее с вовлечением всех окружающих. В поддержку выдвигаются соображения общего блага. В общностях второй группы на первый план выходят обыденные и непосредственные заботы о благах земных, о ценностях частного характера.

После сетования на то, что в постсовременном обществе «мир распадается на множество микро-реальностей, в которых люди создают собственное жизненное пространство» автор вводной статьи вновь обращается к идее нравственного совершенствования (привожу цитату): «Представляется, однако, что эта формула <благополучия и сытости> не удовлетворяет всем человеческим потребностям. ... Люди хотят жить для чего-то. Видеть смысл в чем-то большем, чем их собственная жизнь» [Fundamenty..., 2015: 17]. В польском обществе последних двадцати пяти лет потребительская ориентация и материальные устремления были, как она считает, достаточным основанием для бытия поколения периода трансформации. «Преодоление цивилизационного отставания придавали полякам смысл жизни. Такая формула и такая мотивация постепенно себя исчерпывают. Появляется рефлексия и поиск идеологических и нематериальных (или нематериальных) целей» [Fundamenty..., 2015: 17]. Кто же предложит гражданам нравственный эталон? Представление о хорошем обществе формируют сами граждане, оно не может быть задано сверху, от государства и идеологов, как это пытались делать в авторитарных обществах и СССР (примером такой попытки выступает «Моральный кодекс строителя коммунизма», принятый в 1961 г. на XXII съезде КПСС). В отношении СССР и постсоветских обществ автор высказывается как об обществе, где нравственный эталон как раз и вводился сверху, от государства: «Существуют, в конце концов, и общества, которые никогда не жили и не пытались научиться жить без великой идеи, то есть без огромного дорожного указателя¹, который дают идеология, государство или религия. Без великой идеи они беспомощны и лишены силы» [Fundamenty..., 2015: 17].

Богуня-Боровска утверждает, что о таких дезориентированных и лишенных силы утратой «великой идеи» обществах рассказывает белорусская писательница

¹ Метафору дорожного указателя Богуня-Боровска позаимствовала у Станислава Лема, который сравнил этические нормы с совокупностью «правил «правильного» поведения на дорогах». [Лем С. Диалоги. М.: АСТ, Транзиткнига. 2007. С. 25].

Светлана Алексиевич. В 1990-е гг. она провела многочисленные интервью с людьми разных национальностей, «представителями мира, в котором государство всегда или почти всегда господствовало над *communitas*, устанавливало свои дорожные указатели в публичной и приватной жизни» [Fundamenty..., 2015: 18]. Приведена и выдержка из книги Алексиевич «Время секунд-хенд»²: «Я искала тех, кто намертво прирос к идее, впустил ее в себя так, что не отодрать — государство стало их космосом, заменило им всё, даже собственную жизнь. Они не смогли уйти из великой истории, распрощаться с нею, быть счастливыми иначе. Нырнуть... пропасть в частном существовании, как это происходит сегодня, когда маленькое стало большим. Человек хочет просто жить, без великой идеи. Такого никогда не было в русской жизни, не знает этого даже русская литература. Вообще-то мы являемся людьми войны. Или принимали в ней участие, или готовились к ней. Никогда мы не жили по-иному. Именно поэтому мы имеем психику солдат. В мирное время также все совершалось в соответствии с военным ритуалом. Барабаны отбивали дробь, развивалось знамя, сердце трепетало в груди... Человек не замечал того, что является рабом, даже любил это свое рабство» [Fundamenty..., 2015: 18; Aleksijewicz, 2014: 8; Алексиевич 2006: 8].

По поводу высказываний Богуней-Боровской об авторитарной подчиненности личности российского человека государственным интересам и целям замечу, что к началу XXI в. на постсоветском пространстве оставалось не столь уж много носителей той ментальности, о которой пишет Алексиевич. Такие умонастроения рашатывались на протяжении застойных десятилетий, к началу перестройки людей «идейных» оставалось немного по сравнению с огромной массой «безыдейных», чему способствовало лицемерие новых элит, живших вразрез с провозглашаемыми лозунгами. Советская ментальность переросла в обычную мещанскую ментальность. Кстати, Алексиевич в приведенной книге убедительно показывает, что все эти интеллигенты, прежде увлеченно читавшие Пастернака, Ахматову и т. д., вдруг к концу XX века превратились в мещан. Но она ошибается в том, что проблематику обмирщения интеллигенции в частной жизни «не знала русская литература».

В России всегда был, есть и, по-видимому, будет большой слой мещанства, которому великая идея не нужна. Этот слой стремился ставить приземленные, сугубо материальные ценности и интересы на первое место и не забивать голову «идеальными ценностями», «идеями», выходящими за рамки повседневности. На безыдейность и пошлость мещанства указывали такие русские писатели начала XX века, как А. П. Чехов, М. Горький Л. Андреев. После 1917 г. мещанин адаптировался к советскому обществу, врос в него, и его сущность очерчена в сатирических пьесах конца 1920-х гг. таким идейным человеком, как поэт В. В. Маяковский, осуждавшим мещанский комфорт. Именно неистребимый мещанский дух противостоял и противостоит, на мой взгляд, утверждению в России тех ценностей, которые авторы сборника рассматривают в качестве фундаментальных для проектируемого «хорошего общества»!

Продолжим. Обе выделенные Богуней-Боровской общности не отделены в пространстве и во времени, сосуществуют параллельно, дополняя друг друга

² Алексиевич С. А. Время секунд хенд. 5-е изд., стереотипное. М.: Время. 2006.

и взаимодействуя в рамках одного большого общества. При этом хорошим, по ее мнению, будет то «общество, в котором индивидов ценят и уважают, где люди просто хотят нормально жить, работать, создавать семьи и воспитывать детей. Это будет общество, в отношении которого человек сможет испытывать гордость, которому он захочет отдать часть себя, во имя которого будет совершать поступки. Это общество, частью которого человек стремится выступать, с которым хочет себя отождествлять и идентифицировать. Для эффективных и прочных *societas* общество должно опираться на солидарный фундамент в *comunitas*» [Fundamenty..., 2015: 20]. После приведенных пассажей возникает вопрос: а можно ли, в соответствии с логикой рассуждений автора, охарактеризовать общности второго типа, способные жить без «великих идей», как непременно «безыдейные» (ибо возвышенные идеи и благородные стремления не обязательно связаны с жадной свершения чего-то грандиозного)? Автор этого не сообщила, хотя очевиден положительный ответ, иначе лейтмотив книги будет поставлен под вопрос. Но несмотря на отдельные уточнения, очерченная ею типология и дихотомия обществ и общностей так и осталась рудиментарной. Она предпочла не пользоваться терминами «индивидуализм» и «коллективизм», ограничилась только критерием наличия / отсутствия «великой идеи».

После такой философской зарисовки автор переходит к осмыслению недавнего опыта своей страны: «В период первых нескольких лет трансформации строя в Польше идеальные и социальные ценности господствовали над ценностями материальными. Похоже, что теперь эти пропорции поменялись местами как на уровне индивидов, так и на уровне институций общественной жизни. Когда в общественной жизни материальные объекты начинают доминировать над идеальными, общество утрачивает фундамент, обеспечивающий людям эффективное сотрудничество, взаимность, высокое качество социальных отношений, бескорыстие. На их место выходит то, что рождает недоверие, усиливает контроль, вызывает подозрительность, взаимную неприязнь, обнажает своекорыстный характер интеракции. Сотрудничество уступает место соперничеству, эгоизм вытесняет альтруизм, аутотеличные действия отступают перед действиями, нацеленными на извлечение выгоды...» [Fundamenty..., 2015: 21]. Отмечу, что крайность континуума недостижима: ни одно общество не смогло бы существовать при полном отсутствии взаимного доверия, всеобщей нечестности и сплошном эгоизме. Оно неизбежно распалось бы. Также как невозможно идеальное общество высшей нравственности.

Автор вводного слова пришла к выводу, что «идея хорошей общности является необходимым представлением об общественном порядке (наконец-то о порядке! — А. З.)..., представлением о мире, в котором люди могут лучше всего достигать свои цели, лучше реализуют свою человечность». На хорошего человека и на хорошую общность должен, как она полагает, существовать рецепт. В качестве поясняющей метафоры она дает сравнение человеческой общности с буханкой хлеба: «Люди объединяются вокруг того хлеба, который уже издалека привлекает их своим качеством. Должен быть выпечен красиво по форме, быть удивительно пахнущим и иметь восхитительный вкус. И чтобы его приготовили по традиционному рецепту, надо использовать соответствующие компонен-

ты. Однако мука высокого качества и соответствующая рецептура — это еще не все. Поскольку тесто не дойдет и не вырастет как надо, если не будет достаточно соответствующих внешних условий и факторов, таких как температура, соответствующая посуда для выпечки, отсутствие сквозняков. Потому что даже из наилучших ингредиентов может ничего стоящего не получиться. Аналогично и с хорошей человеческой общностью, которая требует не только составляющих высокого качества, но и условий, необходимых для ее реализации» [Fundamenty..., 2015: 21]. Политическая, экономическая, историческая ситуация оказывают влияние на итоговое формирование общности. Но независимо от внешних условий и исторических обстоятельств люди должны иметь возможность отнесения к представлениям и категориям, определяющим, что хорошо и что плохо, какое поведение будет приниматься и одобряться, и которое не получит одобрения и не будет приемлемым независимо от обстоятельств. Поэтому «общность, основанная на фундаментальных ценностях, задает точки отсчета и рамки отнесения для людей и общностей во все времена» [Fundamenty..., 2015: 22].

Богуня-Боровска считает, что нравственные ценности «должны быть стабильными и независимыми от социальных контекстов. Социальные ценности — не предмет торга. Нельзя быть немного честным или иногда порядочным. Или ты честный и порядочный, или же нет» [Fundamenty..., 2015: 22]. Но как мы сможем принять этот тезис, если окружающие нас люди — не идеальные существа: порой они поступают честно и порядочно, но в чем-то, где-то и как-то не вполне хорошо. Об этом писал Н. Г. Гарин-Михайловский на страницах повести «Вариант»³: инженер Кольцов (проектировщик железной дороги) в ответ на высказывание чиновника из министерства о необходимости следовать долгу заметил: «Оттого, что казна смотрит на человека, как на идеальное существо, человек не переменится и останется тем же, чем был — пострадает одна казна. Что это за утешение, что он должен? Но он не делает...» [Гарин-Михайловский, 1984: 186]. Вывод Богуни-Боровской прост: надо принимать идею хорошей общности и равняться на идеал или, как она пишет, эталон: «Итак, идея хорошей общности является эталоном, образцом, дорожным указателем, идеальным конструктом мира человеческой жизни. Одни общности лучше реализуют такой социальный и культурный образец, другие — хуже. ... Остается вопрос, как создать (выбрать) идеальную модель хорошей общности» ... [Fundamenty..., 2015: 22]. Ее вывод: «Бесчисленные действия, решения и выборы, которые каждодневно принимают и совершают люди, зависят от стоящих за ними ценностей. ... Ценности являются опорами как индивидуальной, так и социальной жизни человека» [Fundamenty..., 2015: 23].

Чтобы это раскрыть, авторами предложен набор ценностей, который «...является предложением. Он представляется достаточно полным, хотя, естественно, всегда можно подумать, что в нем недостает какой-либо важной ценности. Представляется, однако, что существует канон фундаментальных для совместной человеческой жизни законов — ценностей, позволяющие создать в меру стабильный общественный порядок...» [Fundamenty..., 2015: 23]. В рассмотрение вошли семнадцать ценностей (в скобках привожу польское наименование, но в от-

³ Гарин-Михайловский Н. Г. Очерки и рассказы. М.: «Правда», 1984.

дельных случаях не удастся подобрать точный русский эквивалент для польского названия ценности, или ценность, выраженная в польском одним словом, выражается как минимум двумя словами на русском языке): ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО (*godność*), ЛОЯЛЬНОСТЬ как ВЕРНОСТЬ (*lojalność*), ЛЮБОВЬ (*miłość*), ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (*odpowiedzialność*), ТРУДОЛЮБИЕ (*pracowitość*), ВЕРНОСТЬ ПРАВДЕ (*prawość*), ДРУЖБА (*przyjaźń*), ПОРЯДОЧНОСТЬ (*przyswoitość*), СОЛИДАРНОСТЬ (*solidarność*), СПРАВЕДЛИВОСТЬ (*sprawiedliwość*), УВАЖЕНИЕ (*szacunek*), ЧЕСТНОСТЬ (*uczciwość*), СВОБОДА (*wolność*), ОТЗЫВЧИВОСТЬ и ЧУТКОСТЬ (*wrażliwość*), СОТРУДНИЧЕСТВО *współpraca*), ДОВЕРИЕ (*zaufanie*), ДРУЖЕЛЮБИЕ и ДОБРОТА (*życzliwość*).

В небольшой обзорной рецензии невозможно охватить описания всех этих ценностей, остановлюсь на нескольких статьях. Порой происхождение термина, используемого для выражения ценности, анализируется крайне скрупулезно, как и то, что думали о ней философы классической античности и средневековые богословы. Так, например, Анджей Койдер в статье о ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ДОСТОИНСТВЕ как ценности на пяти страницах разъясняет, что понимали под *dignitas* в античности, обращаясь к текстам Цицерона и Сенеки, приводит материал о средневековом и христианско-теологическом понимании человеческого достоинства как качества, обращенного на всех людей, созданных «по образу и подобию Бога», рассматривает ренессансные смыслы достоинства и содержание речи Пико делла Мирандола «*De hominis dignitate*», а затем дает трактовку из «Основ метафизики нравственности» И. Канта. После этого экскурса он переходит к анализу современного значения этой ценности и ссылается на строки о человеческом достоинстве из Устава ООН и из принятой ООН Всеобщей декларации прав человека и гражданина. Не обошел он вниманием и статью тридцатую Конституции Польши: «Прирожденное и неотъемлемое достоинство человека есть источник свобод и прав человека и гражданина. Оно нерушимо, а его уважение и защита являются обязанностью государственной власти» [Fundamenty..., 2015: 49].

Александра Ясиньска-Каня в эпиграф статьи о ЛЮБВИ как ценности вынесла строки из главы 13 первого послания Святого Апостола Павла к Коринфянам: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь гремящая или кимвал звучащий...». В этой несущей сильный эмоциональный заряд главе апостол Павел высказал знаменитое пожелание, чтобы Вера, Надежда и Любовь пребывали, выделив Любовь как самую важную. Ясиньска-Каня на этом примере показала, что любовь относится к важнейшим иудео-христианским ценностям, и занимает в иерархии христианских ценностей высшее и центральное место. При рассмотрении теологических истолкований понятия любви она выделила энциклику Бенедикта XVI «Бог есть любовь»⁴, в которой раскрывается, что из трех греческих слов, связанных с любовью — *eros* (телесная любовь), *philia* (дружеская любовь) и *agape* (забота о более слабых, обездоленных и обиженных) новозаветные писания предпочитают последнее [Benedykt XVI, 2005]. Следуя идеям польского философа Генрика Эльзенберга, занимавшегося проблемами этики

⁴ Benedictus P.P. XVI. Encyklika Deus Caritas Est. Vatican: Libreria Edifice Vaticana, 2005.

и аксеологии, Ясиньска-Каня четко выделяет две группы ценностей: 1) ценности идеальные, совершенные (суждения о совершенстве, достоинстве, о должном), и 2) ценности утилитарные, основанные «на удовлетворении потребностей или на исполнении желаний», которые сами по себе не предполагают никакого долга» и «бывают противоречивыми» [Elzenberg, 1966: 9—11].

Вопросы утверждения конкретно взятой ценности в социальной практике и социальной политике наиболее обстоятельно обсуждаются в последней главе, подготовленной профессором Беатой Лачак и посвященной ДОБРОТЕ как этико-нравственной ценности. При подходе к этой теме автор кратко затронула теологическую трактовку доброты (на примере рассмотрения Фомой Аквинским доброты как одной из главных нравственных достоинств человека), но не стала, в отличие от предыдущего автора, обсуждать библейские тексты и приводить папские энциклики, сразу обратилась к светскому пониманию доброты. Выделены две группы мыслителей: представители первой группы стремились подобно Фоме Аквинскому, связывать доброту с любовью. Но начиная с Аристотеля, существовала и другая группа, которая связывала доброту скорее с дружбой, чем с любовью [Fundamenty..., 2015: 366]. В этом небольшом экскурсе в историю представлений о доброте уделяется внимание также русским социологам на материале связи ценностей доброты и любви в этико-альтруистических сочинениях П. А. Сорокина и в психологической теории права Л. И. Петражицкого. Показано, что Петражицкий развивал в начале XX века «идею воспитания любви, как своеобразного идеального характера» [Fundamenty..., 2015: 365—366]. Сорокин в начале 1950-х гг. организовал проведение обширных биографических исследований среди многочисленной группы людей, откликнувшихся на обращение программы одной из американских радиовещательных станции, проводившей конкурс на лучшего соседа, а также среди персон, указанных студентами и социальными работниками как наиболее альтруистичных из числа знакомых им людей. Он пришел к выводу, что доброжелательные люди чаще, чем обычные представители популяции, происходили из полных, счастливых семей, имели благополучное детство в окружении любви и заботы со стороны близких. Они чаще, чем это отмечалось в обществе в целом, создавали слаженную семью, достигали профессиональных успехов, реже имели психические проблемы, обладали более оптимистическим взглядом на мир, ощущали свою жизнь более гармоничной [Sorokin, 1950: 213].

Обращается внимание на то, что Аристотель в Никомаховой этике учитывал значение доброты в улучшении межчеловеческих отношений и что на это ориентировался Питер Блау при создании основ теории обмена, заявляя о своеобразной «выгоде» доброты для участников трансакций [Fundamenty..., 370]. От исследований социологами и психологами XX века проявлений доброты в повседневных социальных отношениях автор перешла к обзору движений и социальных инициатив в поддержку доброты и взаимопомощи. Особо выделено Всемирное движение за доброту (The World Kindness Movement), организованное в 2000 г. в Сингапуре и охватившее в настоящее время несколько десятков стран мира, направленное на формирование доброжелательного отношения к окружающим людям. Все больше появляется в мире разного рода волонтерских движений, организаций и неформальных групп, проводящих конкретные добрые дела. Однако приводи-

мые автором данные опросов свидетельствуют, что проявления агрессивности и грубое поведение между людьми широко распространены как в приватной, так и в публичной сфере [Fundamenty..., 2015: 379—381].

Список литературы (References)

Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: «Мысль». 1965. Т. 4. Ч. 1.

Kant I. Groundwork of the Metaphysics of Morals. In: Kant I. Works in six volumes. М.: «Mysl'». 1965. Vol. 4. Part. 1. (In Russ.)

Кириллина Т. Ю. Зарубежные ученые о социологии морали // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 133—138.

Kirillina T. Yu. Foreign scientists on the sociology of morality. Sotsiologicheskie Issledovaniia [Sociological research]. 2009. № 7. P. 133—138. (In Russ.)

Кириллина Т. Ю. Социология морали: учебник. М.: ИНФРА-М. 2017.

Kirillina T. Yu. Sociology of morality. Textbook. М.: INFRA-M. 2017. (In Russ.)

Elzenberg H. Wartość i człowiek. Rozprawy z humanistyki i filozofii. Toruń, 1966.

Elzenberg H. Value and man. The essay on the humanities and philosophy. Torun, 1966. (In Pol.)

Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości / pod red. M. Boguni-Borowskiej. Kraków: Wydawnictwo «Znak». 2015.

Fundamentals of good society. Values. Ed. By M. Boguni-Borowskiej. Krakow. Publishing house «Znak». 2015. (In Pol.)

Sorokin P. A. Altruistic Love. The Study of American «Good Neighbors» and Christian Saints. Boston: The Beacon Press. 1950.